

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ САТИРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ ОРЕНБУРГА НАЧАЛА XX ВЕКА

Т. М. Жаглова, Е. А. Хмура

*Оренбургский государственный университет,
Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова*

Поступила в редакцию 28 мая 2018 г.

Аннотация: журналистика начала XX века отмечается значительным ростом численности изданий, появлением как новых газет, журналов, альманахов и сборников, так и заметной корректировкой существующих. Тематика и проблематика материалов в новых условиях также претерпевает изменения, что можно расценивать неоднозначно. Выявить степень присутствия в провинциальной прессе Оренбурга различных форм пародийного осмеяния — задача данного исследования.

Ключевые слова: сатирическая журналистика, провинциальная пресса, сатира, пародия.

Annotation: in the early XX century the journalism is characterized by a significant increase of publishing, foundation of new newspapers, magazines, almanacs and story collections, as well as a noticeable update of existing ones. Subjects and problems of publications under the new conditions are also undergoing changes, which can be regarded as ambiguous. The target of this study is to determine the extent of the presence of parodical mockery in various aspects in the provincial press of Orenburg.

Keywords: satirical journalism, provincial press, satire, parody.

Отличительной особенностью журналистики конца XIX — начала XX вв. является рост периодических изданий, в том числе юмористических и сатирических. Исследователи, в частности, И. С. Эвентов, отмечают, что в некоторых периодических изданиях качество предлагаемого материала ухудшается, как следствие — темы утрачивают внутреннюю значимость и теряют свою публицистическую остроту и литературную привлекательность.

На общем фоне российской прессы юмористические и сатирические журналы Оренбурга отличаются достаточно качественными произведениями, нежели, например, «Осколки», «Шут», «Стрекоза», «Будильник», юмор которых в большинстве случаев, по словам И. С. Эвентова, «не поднимался над уровнем приказчиье-галантерейной эстетики» [1, 16]. Сравнивая содержательно-тематические особенности типологически сходных изданий, обнаруживаем в оренбургских журналах «Кобылка», «Саранча», «Скворец», «Пыль» темы, волнующие городскую общественность и литературную в том числе, в то время как в «Осколках» за 1909 г. «можно было прочесть стихи под заглавиями, откровенно выражавшими их нехитрое содержание и пошлый вкус сочинителей: «Она вернулась, а он отвернулся», «Ножки», «Бойкая барышня и большая лужа», «Амуры за трико» [1, 17]. В подобных материалах столичных «весельчаков» преобладал низкопробный юмор, которому сопутствовали, как правило, однотипные средства и приемы, по контрасту с которыми в оренбургских изданиях

палитра сатирических приемов складывается гораздо разнообразнее, включая в себя и арсенал пародии.

Так, журналы «Кобылка», «Саранча», «Скворец», «Пыль», «Фавн» представляют типичную сатирическую печать начала века, задействовавшую различные виды и типы комического — от откровенного сарказма до иронии. Авторы сатирических изданий четко подмечают существенное в частной и общественной жизни оренбуржцев, используя для этого специфические жанры и приемы, в том числе пародирование.

«Пародия — одно из сильнейших средств общественной сатиры», — утверждал В. Я. Пропп в книге «Проблемы комизма и смеха» [2, 66]. С помощью пародии автор получает возможность подметить те или иные изъяны в поступках и сознании героев публикаций, которые вызывают искренний интерес читателя. Наиболее убедительным примером использования пародии в исследуемых журналах является материал «Митинг оренбургской прессы», напечатанный в № 1 журнала «Кобылка» за 1906 г., который по ряду признаков мы относим к пародии на типичную провинциальную прессу с ее жанрово-тематическими штампами и клише. Во-первых, в материале обращает на себя внимание присутствие второго плана, который является одним из определяющих признаков пародии и отмечается всеми исследователями как жанрообразующий. Во-вторых, раскрывается «внутренняя слабость» [2, 66] пародируемого объекта — общественно-политических и историко-литературных газет и журналов начала XX века, в том числе частных:

«Оренбургская газета». Господа, вы слышали, что с «Голосом Оренбурга» случилось несчастье?

«Оренбургский Листок». Пренебречь!

«Оренбургский край». Но, позвольте; принимая во внимание, что с одной стороны, так сказать... вообще... ну, одним словом... и т.д.

«Тургайская Газета». Товарищи! Все-таки «Голос Оренбурга» наш товарищ, хотя бы по несчастью [3, 6].

Туманность и чрезмерная многословность некоторых изданий, сконцентрированных в образе газеты «Голос Оренбурга», подвергается осмеянию всей журналистской братией. Например, по обыкновению не представляется возможным определить, что конкретно хочет сказать «Оренбургский край» со своей невнятной политикой по поводу как этой конкретной, так и любой другой ситуации; неопределенность позиций издания проявляется на различных уровнях текста, не исключая и лексики, подчеркнута обезличенной и нейтральной: «Оренбургский край». Тем не менее, принимая во внимание вышеизложенное, я полагал бы, так сказать, узнать, в чем именно заключается несчастье?!...» [3, 6]. «Оренбургский край», таким образом, предстает в материале журналистов «Кобылки» газетой, не ориентирующейся в сути городских событий, отражающей мнение запуганных переменами либералов-буржуа, вступающих в новый календарный год с укоренившимися страхами и сомнениями.

В-третьих, несмотря на то, что комизм ситуации в данном случае вызывает смех читателей, обращение к пародированию преследует вполне серьезные цели: «Серьезный смысл пародийного высказывания может быть выражен только комическими средствами. Именно поэтому следует вполне серьезно говорить о том месте, которое занимает пародия в литературно-общественной борьбе, и о роли, её значении в литературном процессе той или иной эпохи» [4, 21–22].

Объектом пародии служили и внехудожественные стили, например пародия на речь депутата князя Урусова, напечатанная в шестом номере газеты «Скворец». Автор пародии обращает внимание читателей на ханжество и лицемерие чиновников. Попытка разобраться в ситуации заканчивается вполне закономерными вопросами, вернее, целым их каскадом, когда Попов интересуется: если «товарищ Министра» действительно честно исполнял свои обязанности, не брал взятки, закрывал глаза на показательные отчеты и гиперболизированные показатели по продуктам, отпущенным на душу населения, всемерно старался улучшить состояние голодающих россиян, то почему тогда повсеместно происходят пожары и погромы: «Дохнут люди — голодают, / Жгут чужое — Ничего! / Во дворцах же рассуждают, / Все на тему — «отчего»? / Ишь ты дело — голодовка! / Ишь — ты дело — недород! / Членам страсть нужна сноровка — / Как дворец принять вперед», / А то слушай побасенки — / Как Сиятельнейший князь / Был товарищем Мини-

стра, / А теперь поднял всю грязь: / Как при нем подготавливался / Всякой нечисти запас, / — Как он сам не продавался, / Хоть и был соблазн не раз... / Как и где погромы были, / Как распоряжалась власть / Ну, а Вы то — Вы — где были, / Рассиятельнейший князь?!» (Вик. Попов [5, 46]).

Применяя просторечные выражения «дохнут», «ишь», Попов акцентирует внимание на том, что «голодовка» и «недород» волнуют исключительно простой народ, в то время как «во дворцах рассуждают» по обыкновению о приращении капитала и дальнейшей роскошной жизни. Таким образом, пародируя речь Урусова, автор выходит за литературные рамки объявленной пародии, он помогает читателю самому проанализировать значительные факты современной действительности, в первую очередь — события социальной жизни.

Пародии занимают особое место в исследуемых изданиях. Нередко они выделены редакцией в отдельную рубрику с одноименным названием, постоянную или сменную, как, например, в журнале «Пыль». Рубрика «Пародии» сохранялась в нем в качестве постоянной, предлагая читателю в легкой занимательной форме обсудить различные вопросы, актуальные для оренбуржцев в тот или иной период. Обращают на себя внимание следующие пародии: «Газета мизинец» (пародия на частные газеты рекламы и объявлений, характерные для начала XX в.), «На старой квартире, совсем не в степи» (пародия на стихотворение И. С. Никитина «Хозяин»), «На мелком Урале, почти пересошем» (пародия на стихотворение М. Ю. Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...») и др.

В качестве наиболее типичной для этой группы публикаций рассмотрим следующую — «На старой квартире, совсем не в степи...», пародирующую стихотворение И. С. Никитина «Хозяин» («Пыль», № 23).

Автор сводит на нет гиперболизацию одиночества, охватившего лирического героя Никитина, прежде всего размещая его не в пустынном безлюдном пространстве, «на старом кургане», как в стихотворении-оригинале:

На старом кургане, в широкой степи,
Прикованный сокол сидит на цепи.
Сидит он уж тысячу лет,
Всё нет ему воли, всё нет [6, 12],

а гораздо банальнее — «на старой квартире». Для пародиста важно переключение различных планов в новом тексте: так, на смену трагическому пафосу, характерному для стихотворения Никитина, приходит сатирический, гораздо больше соответствующий подчеркнута бытовой ситуации. Как актуальная форма пародии в поэтическом творчестве авторов «Пыли» применяется прием травестии, когда о низком предмете — недалеко, невежественном супруге-подкаблучнике поэт рассуждает высоким слогом: «На старой квартире, совсем не в степи, / Прикован-

ный дурень сидит на цепи. / Сидит уже много он лет. / Все нет ему воли, все нет. / И волосы клочьями он вырывает, / И горькую долю свою проклиная... / Супруга его заперла на замок... / А мир так широк, так широк» (Бете [6, 12]).

Выстраивая антитезу «вольный, по природе своей, сокол», действительно томящийся в неволе, и «домашний великовозрастный «дурень», подпавший под влияние деспотичной жены, автор пародии, скрывающийся под псевдонимом Бете, на первый взгляд, усугубляет комизм ситуации, типичной для мещанской среды провинциального города. Однако данная пародия содержит и второй пласт, предполагающий осмысление социальной обстановки, в которой живет семья: причиной всех зол и бедствий, собственно, и является глава этой семьи, предпочитающий наслаждаться жизнью, пропивая все, в то время как его жена и дети голодают. Образ «прикованного» цепью «невольника» супружеской жизни воссоздан в пародии в смешении сатирического и иронического начал, предполагающего способность читателя обнаружить скрытый смысл в художественном или публицистическом тексте.

В другом стихотворении — «С рукой протянутой мечтал», в подзаголовке, заявленном как пародия на элегию М. Ю. Лермонтова «Нищий», объектом иронии автора избирается оренбургский читатель, остро нуждающийся в свежей прессе. Подписка на газеты и журналы в провинциальном городе долгое время считалась удовольствием дорогостоящим, соответственно, рядовой обыватель мог позволить себе, как правило, лишь одно издание на полгода или год, что и обусловило в данном случае проблему мучительного выбора читателя: «С рукой протянутой мечтал / Перед подпискою читатель: / — «Какой мне выписать журнал / Или газету, Мой Создатель?» [6, 12].

Подобно героям Лермонтова, как страдалцу, обездоленному материально, так и обделенному взаимной любовью, потенциальный читатель был обманут в лучших ожиданиях, поскольку вместо камня и равнодушия возлюбленной он получил другой эквивалент — газету «Правый путь», то есть заведомо консервативное издание, способное погрузить аудиторию лишь в сферу интересов городского мещанства: «Так в затрудненье он тужил / И взор являл тоску и муку... / И кто-то «Правый Путь» вложил / В его протянутую руку!...» [6, 12].

Пародируя произведения А. А. Блока 1900–1909-х гг., созданные поэтом до кризиса символизма и все еще пользующиеся популярностью, сотрудники журнала «Пыль» обнаруживают хорошее знакомство с типичными для раннего периода его творчества приемами, изобразительно-выразительными средствами, которые являются «знаковыми» приметами лирики знаменитого символиста. Однако основной акцент в публикациях «Пыли» сделан даже не на цветописы и звукописы, символизации и метафориза-

ции, присутствующих и в пародии наглядно и убедительно, а на приеме каламбура, гораздо отчетливее переводящего образы, мотивы и лейтмотивы как отдельных строф, так и всей подборки стихотворений в план пародии: «Укрываясь под кровом покрыва свекрови, / Маню тенью обманной тумана маню, / И люблю любоваться любовью любви, / И задумчивость думы в раздумье гоню...»; «Небосвод голубой, как голубка голубит... / О! Как сладко мечтать под сосною со сна... / И приснится она, что и губит и любит, / И бесцельно нацелься, целует она...»; «Ах! В бессилье усилья я силы истрачу, / Грозно грозы сулят неудачу вновь. / Задала неудача на даче задачу / И отравой трав отравляет любовь...» [7, 8].

Пародийное мастерство журналистов «Пыли» проявилось и в осмыслении идейно-тематических и жанрово-стилистических особенностей современных газет и журналов. В условиях политических и социальных перемен продолжалось идейное размежевание интеллигенции и, как следствие — полемика в наиболее актуальных и авторитетных изданиях. Чаще всего юмористические и сатирические издания объектом критики избирали официальную прессу, непосредственно поддерживаемую представителями власти, вменяя ей низкопоклонство и бездумное следование официальному курсу при оценке событий.

Журнал «Пыль» обобщает разнообразные негативные факты действительности и представляет на суд читателей вымышленную «Газету мизинец», содержащую в основном коммерческую рекламу и частные объявления. Данная пародия вбирает в себя богатую палитру средств комического, которая проявляется, начиная с обращения к читателям, отзывающегося реминисценциями из «Мертвых душ» и «Шинели» Н. В. Гоголя, «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Мизинец. Почему мизинец? Зачем мизинец? Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы ещё такое вытирать ею» [8, 10], обыгрывания названия издания: «Оно, конечно, любезные читатели, ни во гнев будет сказано, указательный перст куда лучше, но не забывая, что переживается век аэронавтики: полетов и вылетов, многие отдадут предпочтение безымяннику, мы же остановились на Мизинце, памятуя, что если им нельзя указывать, зато его можно показывать» [8, 10]. В черед пародийных выпадов сатирически и иронически обыгрывается продажный характер большинства современных газет и журналов, их страх перед беззаконием и самоуправством властей, в связи с этим подвергается осмеянию традиционная для изданий такого типа тематика и проблематика, восходящая опять-таки к традициям позднего творчества Салтыкова-Щедрина, обратившегося в 1880-е гг. к жанру очерков и явлению их циклизации («Благонамеренные речи», «Современная идиллия», «Письма к тетеньке»), с применением «говорящих» названий городов и губер-

ний с их краткой характеристикой и первых лиц, облеченных в них властью:

«Ободоевск. Входить в читальное зало в верхнем платье швейцар не позволяет. Оставлять жакеты и гагоши в передней нельзя — воруют. Посетительницы решили являться в библиотеку в евином костюме. Библиотекарша говорит, что это не культурно.

Ростовцевск. Отправленная в музей древних редкостей старая песочница признана не подходящей. Говорят, что нужно подождать ещё лет десять» [8, 10].

Оренбургские авторы активно внедряли в практику журнальной работы заимствование материалов центральной прессы, отвечающее редакционной политике издания. В частности, жанровые и стилевые соответствия обнаруживаются в публикациях А. А. Измайлова — известнейшего пародиста начала XX в. Несмотря на то, что, по мнению большинства современных исследователей, Измайлов, «как поэт и беллетрист серьезного интереса не представляет, несмотря на обильную продукцию» [9, 436], он обращает на себя внимание прежде всего своими многочисленными пародиями, которые существенно повлияли и на оренбургских журналистов.

В первую очередь это относится к заимствованию «Дружеской пародии» А. А. Измайлова («Пыль», № 18), демонстрирующей превосходное знание пародистом особенностей поэтики представителей поэзии Серебряного века, среди которых А. Белый, К. Бальмонт, Д. Мережковский, их тяготение к созданию абстрактных, возвышенных, облагораживающих грубую реальность образов, тем не менее бессодержательных и безыдейных: «Тучи в кучи взбаламучу, / Проскачу волчком качучу, / Треском рифм наполню свет. / Как звонки двуконных конок, / Стих мой тонок, ломок, звонок, — / Звону много, смыслу нет» [10, 4–5].

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод о том, что оренбургская периодика начала XX в. представляла собой достаточно живую среду, лишенную страха перед «сильными мира сего» и сохраняющую способность «истину царям с улыбкой говорить», несмотря на то, что авторами материалов в большинстве своем были высланные из центральной России интеллигенты.

Многие произведения очень трудно интерпретировать в отрыве от историко-бытового и культурного контекста, особенностей социальной, полити-

ческой и журнально-литературной жизни тех лет. С другой стороны, умение ориентироваться в разнообразных реалиях эпохи, способность расшифровать намёки, ее знаки-символы, на первый взгляд, такие мелкие, но такие важные факты, формирование представления о характерных для периода творческих установках поэтов и их практическом выражении определяют степень освоения современниками художественно-публицистического наследия начала XX в.

Пародия и перепев, чрезвычайно востребованные в начале XX в., утратили своё значение в веке XXI, практически исчезнув со страниц газет и журналов. Современная периодика чаще обращается к информационным жанрам журналистики, забыв о таких эффективных формах подачи материала, как пародия и перепев, являющихся действенным способом искоренения пороков и недостатков общества, преимущественно в «переломные» эпохи, что, по нашему мнению, существенно обедняет востребованные читателем газеты и журналы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская стихотворная сатира 1908–1917 годов. — Москва: Советский писатель, 1974. — С. 16–17.
2. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. — Москва: Лабиринт. — С. 66.
3. Кобылка: юморист.-сатирический журнал. — Оренбург: [б. и.] — № 1. — 1906. — Б. ц.
4. Тяпков С. Н. Русская литературная пародия конца XIX — начала XX вв. (жанровые и функциональные особенности): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. Н. Тяпков. — Москва, 1995. — С. 21–22.
5. Скворец: юморист.-сатирический журнал. — Оренбург: [б. и.] — № 6. — 1906. — Б. ц.
6. Пыль: юморист.-сатирический журнал. — Оренбург: [б. и.] — № 23. — 1909. — Б. ц.
7. Пыль: юморист.-сатирический журнал. — Оренбург: [б. и.] — № 48. — 1909. — Б. ц.
8. Пыль: юморист.-сатирический журнал. — Оренбург: [б. и.] — № 15. — 1909. — Б. ц.
9. Измайлов А. А. // Литературная энциклопедия: В 11 т. — [М.], 1929–1939. — Москва: Изд-во Ком. Акад., 1930. — Т. 4. — С. 436–437.
10. Пыль: юморист.-сатирический журнал. — Оренбург: [б. и.] — № 18. — 1909. — Б. ц.

*Оренбургский государственный университет
Жаплова Т. М., доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и журналистики
E-mail: TMZhaplova@mail.ru*

*Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова
Хмура Е. А., преподаватель кафедры русского языка
E-mail: elena.khmura@yandex.ru*

*Orenburg State University
Zhaplova T. M., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of Public Relations and Journalism
E-mail: TMZhaplova@mail.ru*

*Military Medical Academy of S. M. Kirov
Khmura E. A., Teacher of Russian Language Department
E-mail: elena.khmura@yandex.ru*